

И хозяин ничего этого не знал — Дами нёс всё бремя в одиночку. Впрочем, Дами считал себя взрослым псом, а взрослые псы не станут с игрушкой в зубах вилять хвостом и бежать к хозяину, выпрашивая ласку... да, как этот малыш.

— Уф?

Щенок сам с собой поиграл немного, потом вдруг заинтересовался дикой травой, пробившейся сквозь решётчатые бамбуковые доски, и затеял с ней новую битву. Спустя долгое время он с заметным трудом выплюнул в ладонь Ся Дунли свой трофей и гордо выпятил грудь:

— Уф!

«Я, пёс, прошёл через кровавую битву, победил врага, защитил покой дома и захватил вражеское оружие! Докладываю командиру!»

Ся Дунли встряхнул зелёный колосок мышинного хвостика и провёл им по носу щенка — тот чихнул. Тогда он привязал былинку к красной плетёной верёвке на шее малыша и посмотрел на него с умилением. Щенок тут же оживился, закружился на месте, пытаясь поймать колосок перед носом, но каждый раз промахивался и от досады принимался повизгивать.

Ах, как давно это было! Дами тоже когда-то был таким же глупым. Но теперь его так не проведёшь. Ся Дунли с сожалением покосился на своего любимца, дремавшего в траве.

Кстати, внимательный читатель наверняка заметил ключевую деталь: на шее у щенка красовалась плетёная верёвка. Это, по сути, замена ошейнику.

Маленькие растут быстро — если надевать обычный ошейник, его пришлось бы менять каждые несколько дней. Поэтому Ся Дунли использовал плетёную верёвку со свободным узлом, чтобы щенок потихоньку привыкал к будущему ошейнику.

У верёвки был один недостаток — отсутствие страховочной застёжки. Но волноваться не стоило: он надевал её лишь тогда, когда щенок был у него на глазах; в остальное время тот бегал безо всяких ограничений.

Кстати, теперь на шее у трёхглавого пса красовался ошейник с его адресом и контактами. Изначально его заказывали для Дахуана, но посылка пришла уже после того, как хозяева забрали Дахуана домой, так что ошейник остался без дела.

Размер трёхглавого пса в обычном обличье был примерно как у Дахуана — ну, ошейник пришлось чуть подогнать, но сошло. На бирку он решил не ставить имя, а просто повесил пустую пластинку, ту же, что предназначалась для Дахуана, оставил себе.

Поскольку за адским стражем никто не спешил, Ся Дунли заказал именные жетоны для щенка и для трёхглавого.

На жетоне трёхглавого он велел выгравировать «Саньэр» — во-первых, у пса три головы, во-вторых, он стал третьей крупной собакой в доме. Это было логичное объяснение для Цербера, но на самом деле имя просто звучало лучше — куда благозвучнее, чем «Цербер»! В чужой стране и имя должно быть местным.

Щенка же называли Мили — по традиции семьи Ми: имя он выбрал сам, вытянув бумажку с иероглифом из горсти, где были «Рисовый пирожок», «Рисовый кекс» и «Рисовый суп». С этого дня Мили официально стал членом семьи Ся Дунли и старшим среди младшего поколения.

Остальные имена тоже не пропали — Ся Дунли приберёт их для будущих щенков Дами. Они казались ему очень милыми, и если чуть изменить произношение, можно было бы дать им английский вариант, как у Дами — Милли... Единственный минус — Мили оказался мальчиком, а имя звучало слегка по-девичьи.

Впрочем, мелочи.

Когда Мили начал высовывать язык и часто дышать, Ся Дунли вовремя спрятал колосок у него с шеи. Щенки, как и человеческие младенцы: если днём перевозбудиться, ночью провалятся в глубокий сон и могут не контролировать мочеиспускание, к тому же им могут сниться кошмары, отчего сон становится беспокойным.

Ся Дунли совсем не хотелось среди ночи вставать и отмывать щенка.

— Ой-у-у-у! — Щенок расстроился, что игрушку забрали. Он забегал вокруг ног Ся Дунли, то и дело стукаясь головой о его лодыжку, всем видом показывая, что хочет ещё.

Ся Дунли подхватил его, перевернул на спинку и быстро провёл рукой перед его мордочкой. Инстинкт охотника заставил малыша тут же выбросить лапки, чтобы поймать руку хозяина, но несколько попыток не увенчались успехом — рука двигалась слишком быстро, к тому же подносилась слишком близко, и глаза щенка невольно зажмуривались, чувствуя опасность.

Рука Ся Дунли продолжала мелькать перед носом, малыш сосредоточенно ловил её, но через мгновение его движения стали замедляться.

Мили устал. Время было уже позднее — вся семья обычно ложилась спать. Биологические часы подсказывали, что пора в кроватку, к тому же недавние игры исчерпали его силы, а быстрые движения руки заставили его часто моргать — всё это разрядило запас энергии крохи.

В конце концов Мили всё-таки ухватил мелькающую перед глазами руку, легонько куснул палец, потом с довольным видом прижался к хозяйскому запястью и, свернувшись клубочком, уснул прямо на руках.

Во сне он снова оказался в тесном логове, где провёл детство. Там было очень мало места, входная щель узкая, мать затыкала её травой, воздух внутри был спёртым, но пахло родным и уютным.

Мили, будучи самым младшим в выводке, часто терпел обиды от старших братьев и сестёр, но спать ему позволяли в самой середине. Мать хоть и ворчала, что у него уже прорезались зубы и сосать больно, но иногда разрешала сосать молоко и одновременно засыпать.

Это было самое счастливое время.

Потом мать однажды ушла и долго не возвращалась. Братья и сёстры от голода ослушались её наказа и выползли из логова. А потом, потом...

Ся Дунли почувствовал, как щенок, который только что лежал смирно, как плюшевая игрушка, вдруг дёрнул задней лапой и заскулил.

Он быстро опустил взгляд: малыш выглядел встревоженным, передние лапки отчаянно шарили по воздуху, острые коготки цепляли ткань его рубашки. Ся Дунли попытался освободить руку и осторожно сжать щенячью лапку, но от этого малыш забился ещё сильнее.

Он уже хотел переложить щенка, когда чья-то рука вдруг аккуратно взяла Мили за загривок. И что удивительно — как только пальцы сжали кожу на холке, щенок перестал дёргаться. Сюнь Вань то слегка сжимал, то отпускал руку, и по мере этого бровки Мили разглаживались, дыхание становилось ровным — он успокоился.

— Приснился кошмар? — шёпотом спросил Ся Дунли. Вдруг он почувствовал у ног тепло — это Дами, услышав их возню, подошёл поближе. Встретившись взглядом с обеспокоенными глазами любимца, Ся Дунли присел на корточки и поднёс щенка к морде Дами.

Бордер-колли, чья шерсть напоминала метеоритный дождь, обнюхал малыша и довольно грубо облизал его мордочку. Щенок не проснулся от внезапного нападения, а, напротив, от этих нежных облизываний стал ещё спокойнее, даже лапки, которые до этого метались, сами собой поджались к груди. Ся Дунли уже хотел опустить щенка на землю, чтобы Дами присмотрел за ним, но тот вдруг поднялся и без всякой жалости развернулся и ушёл.

Так грубо! Дами, ты что, бросаешь своего малыша?! Ся Дунли был в шоке. Он проводил взглядом Дами, который грациозно вернулся на своё место в траве, улёгся и уставился вдаль — на нём будто висела табличка «Не беспокоить, я в отрешённости».

У Ся Дунли дёрнулся уголок губ. Он перевёл взгляд на другого пса — Цербера, который когда-то дрался с Дами за право нянчить щенка. Сейчас тот лежал на солнце, выставив живот, вытянувшись в струнку, и весь его вид дышал блаженством — он даже не заметил происходящего вокруг.

Наверное, так и выглядит разница между отцовской и материнской заботой... Обманутый обоими псами, Ся Дунли мог лишь беспомощно подняться с тёплым комочком на руках. Сюнь Вань повернул голову и спросил:

— Тяжело? Может, мне взять?

<http://bllate.org/book/18144/1757715>